

К.М. Товбин

Товбин Кирилл Михайлович (Южно-Сахалинск, Россия) — кандидат философских наук, заведующий кафедрой общих дисциплин, Филиал Дальневосточного федерального университета в г. Южно-Сахалинске;
Email: kimito@yandex.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ СТОРОНА САХАЛИНСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

В статье на основе методологии традиционалистской школы проводится анализ религиозного компонента сахалинского менталитета. Конфессии, составляющие духовное поле в Сахалинской области, условно разделяются на традиционные, традиционно-ориентированные и новаторские (в свою очередь, подразделяющиеся на модернистские и постмодернистские). Традиционные конфессии осуществляют ментальную укоренённость в условия обитания. Модернистские, напротив, тяготеют к извлечению от этой укоренённости; постмодернистские — переходят в виртуальное пространство, насыщенное иллюзорным семиотическим рядом, замещающим онтологические аналоги. Сахалинские религиозные организации с определённой долей приблизительности распределены по этим разрядам. На основе такой классификации, обобщая собственный опыт теоретических и прикладных исследований, автор выстраивает определённую мировоззренческую картину сахалинской ментальности и делает геополитические выводы о духовном состоянии и возможном будущем населения Сахалина.

Ключевые слова: Сахалин, традиция, традиционная духовность, конфессия, православие, католичество, протестантизм, новые религиозные движения, община.

К.М. Tovbin

Kirill Mikhailovich Tovbin (Yuzhno-Sakhalinsk, Russia) — PhD, Head of the Department of General Disciplines at the Far Eastern Federal University, Yuzhno-Sakhalinsk Branch;
Email: kimito@yandex.ru

RELIGIOUS ASPECT OF SAKHALIN MENTALITY

On the basis of the methodology of the traditionalist school the author analyzes the religious component of Sakhalin mentality. The confessions, composing the spiritual field of Sakhalin region, for convenience can be divided into traditional, traditionally-oriented and innovatory (in their turn they can be divided into modernist and post-modernist). The traditional confessions realize mental penetration into the living environment. The modernist ones, on the other hand, have a propensity to escaping from this penetration; the post-modernist confessions move to the virtual space rich in an illusory semiotic content substituting the ontological analogs. The Sakhalin religious organizations are approximately divided into these categories. On the base of this classification, generalizing his own experience of theoretical

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

and practical studies, the author builds a specific vision of Sakhalin mentality and concludes about the spiritual condition and the possibilities of the future development of Sakhalin.

Keywords: Sakhalin, tradition, traditional spirituality, confession, Orthodoxy, Catholicism, Protestantism, new religious movements, community.

Религиозный компонент сахалинской ментальности является совершенно неразработанной темой¹. Как правило, исследования сегодняшней религиозной ситуации в Сахалинской области не выходят дальше статистических подсчётов и ангажированных, идеологических антисектантских программ и памфлетов. Тем не менее, небывалый всплеск религиозности в 1990-х и переход сахалинских религиозных общин на местный культурообразующий уровень остались тёмными пятнами в гуманитарной сфере областных исследований. Влияние религиозного фактора на менталитет и мировоззрение не оспаривалось и не оспаривается даже убеждёнными атеистами и агностиками, и изучение его особо важно в нашем геополитически неуравновешенном регионе. Именно временщический характер сахалинской ментальности является центральной причиной грандиозных демографических подвижек в области с 1990 г. Цельное региональное самосознание, укоренённое в традиционных ценностях, является, напротив, причиной стабильности и неподвижности ментальности, её неподверженности сиюминутным влияниям, в основе которых — виртуальное формирование искусственных материальных потребностей.

Отталкиваясь от методологии Традиционалистской школы², все имеющиеся в области конфессии можно разделить на три разряда: (1) **традиционные**, (2) **стремящиеся к традиционности** и (3) **новаторские**. Оговоримся: мы отталкиваемся от философии традиционализма, а не от буквы современных правовых актов; с этой точки зрения традиционные конфессии своим мировоззренческим стержнем имеют *Традицию* — устоявшуюся цепь смыслопередач, действующую в аспекте *вертикальном* (ритуал, преемственности поколений, наличие жреческой касты) и *горизонтальном* (общинность, гендерное неравенство, иерархичность семьи и рода, кастово структурированное общество). В таком обществе Традиция — не система убеждений или стиль мироощущения, но *цельное умонастроение, тяготеющее к переустройству материального бытия под соответствие Высшим принципам, пропитывающим бытие*. При таком настрое быт, поведение, распределение семейных, половых и возрастных мест в обществе не нацелены на приоритетное удовлетворение материальных потребностей, тем паче потребностей, искусственно сфабрикованных информационными инструментами. В таком сознании появляются фундаментальные основания, не поддающиеся цивилизационной, политэкономической и даже информационной ломке; обобщённо эти нерушимые онтологические и феноменологические параметры можно обобщить как «Дух» (система духовных и религиозных способов самообнаружения индивида), «Кровь» (ощущение продолжающейся связи с мифологическими и реальными прародителями и следами их активности) и «Почва» (трансцендентная привязка к территории обитания, получение от неё жизнеутверждающей и социально-конструктивной энергии).

1 Некоторое исключения составляют социологические исследования: [1; 2; 6].

2 *Традиционалистская школа* отражена в системе учений Р. Генона, Ю. Эволя, Т. Буркхардта, Ф. Шуона, С.Х. Насра, А. Кумарасвами, Р. Кумарасвами, Ж. Борелля, В. Куинна, Дж. Катсингера, Г. Смита, М. Али Лахани, М. Седжвика, А.Г. Дугина, Ю.Н. Стефанова, В.В. Аверьянова, а также близких этой школе М. Элиаде, А. Корбена, М. Легенгаузена, иером. Серафима (Роуза), прот. И Мейендорфа, прот. А. Шмемана.

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

Напротив, модернистское сознание лишено вышеименованных принципов. Модерн являлся целенаправленной и планомерной борьбой с Традицией, потому его основаниями стали мировоззренческие перевёртыши, обратные пропорциональные принципам Традиции: антропоцентризм (вместо теоцентризма), эволюционизм (вместо перманентизма или креационизма), профанный сциентизм (вместо жреческой «священной науки»), прогрессизм (вместо циклизма или регрессизма), жажда нового (вместо тяги к укоренённости и неподвижности), потребительское отношение к среде обитания (вместо трепета перед освящённым присутствием Сакрального порядком вещей), индивидуализм (вместо общинности как коллективного появления Священного). Неверно думать, что эти принципы являются продуктом атеизма или «научности» — они лежат в протестантски понимаемой «религии» — системе принципов и норм, исходящих из индивидуального осознания возможностей общения с Богом, *отстранённым* от мира. По этой причине современные постпротестантские религиозные организации можно считать такими же рычагами уничтожения Традиции, как и масс-медиа, капитализм и идеологию «Просвещения».

Исходя из выше заявленной дихотомии, распределим религиозные организации Сахалинской области.

1. Безусловно **модернистскими**, антитрадиционными являются протестантские организации, использующие посткальвинистскую тему взаимосвязи земной успешности и священных принципов бытия. В 1990-е, в эпоху «первоначального накопления капитала», эти организации, с лёгкой подачи иностранных миссионеров, утеснились на Сахалине: пресвитериане, «адвентисты седьмого дня», «новые апостолы», баптисты. Для мышления этих организаций свойственно отрицание Традиции как «язычества», «бабьих басен», «очевидной глупости». Учитывая образцовое уничтожение религии в области в советское время [9] и формирование, вследствие этого, самодостаточного секулярного мышления, вышеупомянутые организации легко заняли нишу в островном материалистическом менталитете, ищущем священной окраски как самоцели. В этом случае от верующего достаточно изменения образа жизни — отказа от наиболее вопиющих черт поведения, занятий и трудовой деятельности. Как только происходит выравнивание внешних параметров религиозности, в мышлении такого верующего формируется определённое *аксиологическое сито*, в просеивании которым вызовов внешнего мира и заключается вся духовная жизнь. В отношении Традиции в таком сознании выстраивается двойная цепь преград: к атеистической постсоветской инерции приплюсовывается свойственный всем «классическим» протестантам антиправославный антиязыческий пафос, приводящий к отрицанию или небрежности в отношении продуктов традиционного христианства: истории, книжности, иконописи, архитектуры.

Наиболее ярким примером этой ментальной группы являются «Свидетели Иеговы» — парахристианское, идеологическое, материалистическое сообщество, требующее от своих адептов верности внешним параметрам вероучения, в свою очередь, отождествляющегося с самой «святой организацией», точнее, с её руководством.

К разряду антитрадиционных религиозных организаций стоит отнести и **постмодернистские** религиозные движения и конфессии, борющиеся не только с Традицией, но и с пережитками Традиции в классическом протестантизме. Инструментом такой борьбы является не обычный буквоедский рационализм, но ирония, пренебрежение и вседозволяющая коллажность. К этой группе относятся харизматические и неохаризматические организации типа «Благодати», «Сунбогим», «Часовни победы» и пр. В этих деноминациях верующий старается выстроить собственную, ситуативную и подвижную связь с тем, кого он считает Богом. От

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

мышления такого верующего требуется не верность «аксиологическому ситу», но способность к интерпретации и игре, которые служат способами легализации адаптации неопротестанта к окружающему миру. Поскольку окружающему «миру» свойственны пластичные турбокапитализм, медиакратия, биополитика и информатизация, то текучесть и приспособленчество становятся отличительными ментальными чертами адепта вышеназванных конфессий.

К разряду постмодернистских религиозных движений, возвращающих в сознании своих адептов пластичность, вариативность и волюнтаристскую мозаичность можно отнести и популярные оккультные движения «Сахаджа Йога», «Общество сознания Кришны», «Церковь Иисуса Христа святых последних дней» (мормоны), а также феерически возникающие и никак организационно не оформленные неязыческие сообщества, грозящие перерасти в субкультуру.

Несомненно, при отсутствии Традиции как преграды, за постмодернистскими религиозными организациями — будущее, поскольку они лишены параметров, цепляясь за которые в обществах Модерна можно было затормозить их развитие: фиксированного членства, косной общинности, репрезентативности, иерархичности. Они построены на сиюминутном консенсусе между гуру и верующим, стремящемся не противопоставить «миру сему» некую систему вдохновляющих запретов (как в религии Модерна), но, напротив, постверующий стремится обрести своё место в окружающей реальности через эксплуатацию того, что в традиционной и модернистской религии считалось дефектом: *телесности* (выражающейся в харизматических «глоссолалии» и «исцелениях»), *дискретности мышления* (проявляющейся в неязыческой идеологической комбинаторике и в бытийственной комбинаторике харизматов), *принципиальной неукоренённости мышления* (антитрадиционный пафос всех неопротестантов).

2. Религиозные организации, тяготеющие к Традиции. В Сахалинской области это, в первую очередь, РПЦ МП, в которой пафос верности Традиции зачастую нивелируется политизацией [7; 11], сотрудничеством с органами власти в «охоте за ведьмами» [4; 14], внешней декларативностью [3; 10; 13] и провальной кадровой политикой. Стремление к общинности, составляющее яркое звено православного менталитета, на Сахалине не привело к обособлению православной части населения от «мира сего» ни на семиотическом, ни на бытовом и хозяйственном уровнях. Более того, само понятие «православный» в области чрезвычайно рыхлое, прерывистое, мозаичное. На феноменологическом уровне в сахалинском православном менталитете (как и в менталитете неоправославия вообще) наличествует серьёзное влияние постмодернистской духовности, описанной выше.

Иные варианты современного православия, являющиеся в континентальной России альтернативой и в некотором роде примером (РПЦЗ, РПАЦ, ИПХ), в Сахалинской области нет ни в организационном, ни в социальном плане. Современное православие как правило, ориентировано на миссионерство и виртуальное позиционирование [5; 12].

Католическая община, также декларирующая верность Традиции (хотя после II Ватиканского собора такое декларирование сущностно профанируется), в Сахалинской области является малой, замкнутой и этнической, объединяющей представителей и потомков польской и корейской диаспор, с небольшим вкраплением неопитов. Какого-либо серьёзного влияния на ментальность Сахалина эта община не оказывает.

Армянская Апостольская Церковь, представленная в области достаточно сплочённой армянской диаспорой, также достаточно замкнута и идейно деклассированна: она не имеет молитвенных помещений, регулярных богослужений, в ней не поставлено изучение армян-

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

ской культуры и языка. В основном, эта община объединена узко генетическим фактором, не позволяющим тиражировать сохранившиеся отщепы Традиции (например, общинность) вовне. В связи с отмечаемым религиоведами и богословами принципиальным адогматизмом современного армянского монофизитского учения, оно не может выстроить какие-то преграды Современности, использующей информационные и экономические рычаги уничтожения всякой традиционной ментальной привязке.

3. Осталось упомянуть сообщества, **сохранение Традиции** в которых является знаковой чертой и способом самоопределения верующих. Речь идёт, в первую очередь, о православном старообрядчестве, традиционном исламе, ламаистском буддизме и традиционных языческих верованиях [8]. Ни одно из этих направлений духовности не представлено в области на достаточном организационном и социальном уровне. Некоторую поправку этому обобщению могут предоставить мусульмане, однако формально зарегистрированная мусульманская община области, во-первых, до сих пор не имеет важнейшего знакового параметра идентичности — мечети (с регулярной молитвой); во-вторых, достаточно текуча в социальном плане — состоит из иммигрантов, сезонных рабочих, лишь некоторые из которых рассматривают Сахалинскую область как место своего укоренения; в-третьих, приезжающие в область мусульмане достаточно деклассированны и индифферентны в религиозном плане и не могут составлять — несмотря на численность — солидной социальной опоры исламскому изложению Традиции.

Таким образом, в религиозной стороне сахалинской ментальности сегодня доминируют уходящие антитрадиционные-модернистские и стремительно растущие антитрадиционные-постмодернистские религиозные модели, исключаящие цивилизационную, культурную, историческую и собственно ментальную привязанность к духовным основаниям Российского государства. С геополитической точки зрения, этот признак весьма драматичен: в отторгающейся от своих истоков стране, переходящей в виртуальное псевдобытие, продолжают оставаться локусы сопротивления Современности и сохранения Традиции; на Сахалине же нет ни таких тенденций, ни социальных сил, могущих эти тенденции осуществлять.

Библиография

1. Боровской Г.В. Специфика проявления религиозности среди различных социальных групп населения Сахалинской области // Роль православия в возрождении духовного самосознания населения Дальневосточного региона: Сб.матер. НПК. — Южно-Сахалинск: Сах. обл. типогр., 2004. — С. 59-60.
2. Герасимчук Д.Н. Включённое наблюдение как метод изучения религиозных организаций (на примере организации «Свидетели Иеговы») // Сахалинская молодёжь и наука: Межвуз .сб. стат. / Сост. Конюхова Л.Н. — Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2009. — С. 186-189.
3. Гимро Я.В. Планирование семьи как одна из причин демографического кризиса в России // Демографические и социально-экономические проблемы России и Сахалинской области: Материалы НПК / Сост. Соловьёва Т.М. — Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2009. — С. 14-16.
4. Горбач В., прот. Опыт противостояния деструктивным сектам на Сахалине // Сахалинские Кирилло-мефодиевские чтения — 2010: Материалы I РНПК / Сост. Делова А.Ю. — Южно-Сахалинск, 2011. — С. 34-38.
5. Горбач В., прот. Церкви жизненно необходимо заниматься миссией в социальных сетях / Интерфакс-Религия [М., 1991-2008] URL: <http://www.interfax-religion.ru/print.php?act=interview&id=203>.

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

6. Коньков А.Т. Особенности современной религиозной ситуации в Сахалинской области // Роль православия в возрождении духовного самосознания населения Дальневосточного региона: Сб.матер. НПК. — Южно-Сахалинск: Сах. обл. типогр., 2004. — С. 20-21.
7. Коршунова Н.Д. Взаимодействие администрации области с православием // Роль православия в возрождении духовного самосознания населения Дальневосточного региона: Сб.матер. НПК. — Южно-Сахалинск: Сах. обл. типогр., 2004. — С. 57-59.
8. Пак Сын Ы. Проблемы сахалинской корейской семьи // Демографические и социально-экономические проблемы России и Сахалинской области: Материалы НПК / Сост. Соловьёва Т.М. — Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2009. — С. 43-46.
9. Потапова Н.В. Религиозная ситуация на Сахалине в годы советской власти (1925-1990) // Краеведческий бюллетень. — 2005. - № 3. — С. 43-60.
10. Родионов А., иерей. Роль православной семьи и воскресной школы в формировании христианских ценностей у детей и их родителей // Сахалинские Кирилло-мефодиевские чтения — 2010: Материалы I РНПК / Сост. Делова А.Ю. — Южно-Сахалинск, 2011. — С. 61-65.
11. Серафим (Скибин), игумен. Механизм взаимодействия власти и общества на опыте практической деятельности по духовно-нравственному образованию в рамках соглашения СахГУ МО РФ и Сахалинской епархии МП РПЦ // Роль православия в возрождении духовного самосознания населения Дальневосточного региона: Сб.матер. НПК. — Южно-Сахалинск: Сах. обл. типогр., 2004. — С. 60-63.
12. Филонова А.А. Блоггерство как миссионерская деятельность // Сахалинские Кирилло-мефодиевские чтения — 2010: Материалы I РНПК / Сост. Делова А.Ю. — Южно-Сахалинск, 2011. — С. 42-43.
13. Юзеев Д., иерей. Духовные причины демографического кризиса // Сахалинские Кирилло-мефодиевские чтения — 2010: Материалы I РНПК / Сост. Делова А.Ю. — Южно-Сахалинск, 2011. — С. 23-25.
14. Юрина Д.В. Государство, православие, СМИ: нравственность как национальная политика // Роль православия в возрождении духовного самосознания населения Дальневосточного региона: Сб.матер. НПК. — Южно-Сахалинск: Сах. обл. типогр., 2004. — С. 63-64.

References

1. Borovskoi G.V. Spetsifika proiavleniia religioznosti sredi razlichnykh sotsial'nykh grupp naseleniia Sakhalinskoii oblasti // Rol' pravoslaviia v vozrozhdenii dukhovnogo samosoznaniia naseleniia Dal'nevostochnogo regiona: Sb.mater. NPK. – Iuzhno-Sakhalinsk: Sakh.obl.tipogr., 2004. – S. 59-60.
2. Gerasimchuk D.N. Vkluchennoe nabliudenie kak metod izucheniia religioznykh organizatsii (na primere organizatsii «Svideteli Iegovy») // Sakhalinskaia molodezh' i nauka: Mezhevuz.sb.stat. / Sost. Koniukhova L.N. – Iuzhno-Sakhalinsk: Izd-vo SakhGU, 2009. – S. 186-189.
3. Gimro Ia.V. Planirovanie sem'i kak odna iz prichin demograficheskogo krizisa v Rossii // Demograficheskie i sotsial'no-ekonomicheskie problemy Rossii i Sakhalinskoii oblasti: Materialy NPK / Sost. Solov'eva T.M. – Iuzhno-Sakhalinsk: Izd-vo SakhGU, 2009. – S. 14-16.
4. Gorbach V., prot. Opyt protivostoianii destruktivnym sektam na Sakhaline // Sakhalinskie Kirilo-Mefodievskie chteniia – 2010: Materialy I RNPК / Sost. Delova A.Iu. – Iuzhno-Sakhalinsk, 2011. – S. 34-38.
5. Gorbach V., prot. Tserkvi zhiznenno neobkhodimo zanimat'sia missiei v sotsial'nykh setiakh / Interfaks-Religiia [M., 1991-2008]. <http://www.interfax-religion.ru/print.php?act=interview&id=203>.
6. Kon'kov A.T. Osobennosti sovremennoi religioznoi situatsii v Sakhalinskoii oblasti // Rol' pravoslaviia v vozrozhdenii dukhovnogo samosoznaniia naseleniia Dal'nevostochnogo regiona: Sb.mater. NPK. – Iuzhno-Sakhalinsk: Sakh.obl.tipogr., 2004. – S. 20-21.
7. Korshunova N.D. Vzaimodeistvie administratsii oblasti s pravoslaviem // Rol' pravoslaviia v vozrozhdenii dukhovnogo samosoznaniia naseleniia Dal'nevostochnogo regiona: Sb.mater. NPK. – Iuzhno-Sakhalinsk: Sakh.obl.tipogr., 2004. – S. 57-59.
8. Pak Syn Y. Problemy sakhalinskoii koreiskoi sem'i // Demograficheskie i sotsial'no-ekonomicheskie

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

problemy Rossii i Sakhalinskoj oblasti: Materialy NPK / Sost. Solov'eva T.M. – Iuzhno-Sakhalinsk: Izd-vo SakhGU, 2009. – S. 43-46.

9. Potapova N.V. Religioznaia situatsiia na Sakhaline v gody sovetskoi vlasti (1925-1990) // Kraevedcheskii biulleten'. – 2005. - № 3. – S. 43-60.

10. Rodionov A., ierei. Rol' pravoslavnoi sem'i i voskresnoi shkoly v formirovanii khristianskikh tsennosti u detei i ikh roditelei // Sakhalinskie Kirillo-Mefodievskie chteniia – 2010: Materialy I RNPK / Sost. Delova A.Iu. – Iuzhno-Sakhalinsk, 2011. – S. 61-65.

11. Serafim (Skibin), igumen. Mekhanizm vzaimodeistviia vlasti i obshchestva na opyte prakticheskoi deiatel'nosti po dukhovno-nravstvennomu obrazovaniiu v ramkakh soglasheniia SakhGU MO RF i Sakhalinskoj eparkhii MP RPTs // Rol' pravoslaviia v vozrozhdenii dukhovnogo samosoznaniia naseleniia Dal'nevostochnogo regiona: Sb.mater. NPK. – Iuzhno-Sakhalinsk: Sakh.obl.tipogr., 2004. – S. 60-63.

12. Filonova A.A. Bloggerstvo kak missionerskaia deiatel'nost' // Sakhalinskie Kirillo-Mefodievskie chteniia – 2010: Materialy I RNPK / Sost. Delova A.Iu. – Iuzhno-Sakhalinsk, 2011. – S. 42-43.

13. Iuzeev D., ierei. Dukhovnye prichiny demograficheskogo krizisa // Sakhalinskie Kirillo-Mefodievskie chteniia – 2010: Materialy I RNPK / Sost. Delova A.Iu. – Iuzhno-Sakhalinsk, 2011. – S. 23-25.

14. Iurina D.V. Gosudarstvo, pravoslavie, SMI: nravstvennost' kak natsional'naia politika // Rol' pravoslaviia v vozrozhdenii dukhovnogo samosoznaniia naseleniia Dal'nevostochnogo regiona: Sb.mater. NPK. – Iuzhno-Sakhalinsk: Sakh. obl. tipogr., 2004. – S. 63-64.